

4. Проскурин Г.А. От глобализации к регионализации. Самоидентификация региональной проектной культуры. Сб. материалов международной научно-практической конференции «Дизайн в пространстве национальной культуры: инновации и традиции. Оренбург: ИПК ОГУ, 2011. С. 174-180.

5. Пьянкова Н.С. К вопросу о феномене дизайна в России [Электронный ресурс] Режим доступа: http://archvuz.ru/2012_3/12.

6. Рунге В.Ф., Сеньковский В.В. Основы теории и методологии дизайна: учеб. пособие. /В.Ф. Рунге, В.В. Сеньковский. М.: МЗ ПРЕСС, 2005. 368 с.

Жилина В.А., Гранин Д.В.

г. Магнитогорск, Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И.Носова

ПОЛИЯЗЫЧИЕ КАК ФАКТОР КУЛЬТУРНОЙ ГРАМОТНОСТИ

Статья посвящена анализу измененных социальных условий формирования грамотности социального субъекта. Рассмотрена специфика влияния полиязычия на процессы формирования культурной грамотности и риски, связанные с этим феноменом.

Ключевые слова: Культура, полиязычие, глобализация, культурная грамотность, социальный субъект.

The article is devoted to the analysis of the changed social conditions of formation of literacy of the social subject. The specificity of the influence of multilingualism on the processes of formation of cultural literacy and the risks associated with this phenomenon are considered.

Keywords: Culture, multilingualism, globalization, cultural literacy, social subject.

Глобализация существенно меняет не только структуру социальных взаимодействий на разных уровнях репрезан-

тивности субъектов, но и определяет полидиалогичность в качестве основной формы существования культуры в целом. Соответственно, в социальной сфере сегодня происходит доминирование коммуникационных процессов, влияние которых ощутимо даже в основаниях базиса – в форме раскрытия производственных отношений. По сути, в настоящее время человечество вступает в новую стадию развития, специфика которой значительно сложнее привычного формационного подхода. Процесс нарастания данных изменений имеет длительную историю, и с высоты сегодняшнего состояния теоретической мысли, например, становится понятным успех постмодернистских концепций человека и культуры, в недавнее время бывших в статусе лидера в поле философских исследований. Безусловно, измененный социальный статус социального субъекта, для которого отчужденная форма экзистенции становится необходимостью, является источником фрагментирования процессов социального бытия. Но под этими объективными социальными процессами лежит более глубокое сущностное изменение культуры – трансформация роли и состояния языка как носителя и источника развития культурного поля. Отсюда объясним интерес постмодернистского течения к текстовой трактовке смыслов экзистенции, а также бум лингвистических исследований сегодня. Однако в настоящее время остается малоизученным результат таких трансформаций: вопрос о том, каково семантическое качество репрезентивности культуры в ее носителях? Другими словами, что происходит с феноменом культурной грамотности.

Культурная грамотность может рассматриваться как своеобразная форма рефлексии культуры. Поэтому ее критерии подвижны, исторически изменчивы. Если в средние века культурно образованным считается человек, умеющий читать и воспроизводить Библию, то, например, в эпоху Просвещения быть культурно грамотным вне поля научной рациональности невозможно. Современные критерии грамотности и традиционны, и принципиально инновационны. Традиционность проявляет себя в том, что стратегия развития этой социальной характеристики напрямую связана с институтом образования. Нынешнее реформирование российской системы образования через компетентностный подход, на первый взгляд, мало отлично по сути, например,

от советской системы. Формирование компетенции у обучаемого означает развитие навыков связанной и грамотной речи, навыков общения и выражения собственного Я разнообразными средствами [1]. Но обращает на себя внимание тот факт, что эти процессы предполагают не монополю естественного родного языка, а, напротив, ориентированы на полиязычное основание: привлечение языков других культур, а также усиленное овладение искусственными языками. И уже в этом аспекте возникает множество вопросов к критериям культурной грамотности. Является ли адаптивно социализированным (грамотным в данную эпоху) субъект, умеющий обращаться с гаджетами на уровне практического навыка или умеющий прочесть ярлык на одежде на английском языке? Или другая сторона вопроса. Является ли грамотным (в плане отвечающим требованиям эпохи) субъект, владеющий компьютерной грамотностью на теоретическом уровне или профессиональный лингвист? Даже на уровне здравого смысла понятно, что прямой корреляции между бытовыми и профессиональными навыками и уровнем культурной грамотности быть не может. Но проблема остается острой и настоятельно требует решения, так как вне грамотного субъекта нет будущего культуры, носителем которой он является.

Следует отметить, что проблема соотношения культуры и языка, сама по себе, поливариантна. Существующие теоретические точки зрения равно доказуемо утверждают, что язык есть часть культуры, что язык есть только форма выражения культуры, и даже, что язык не является ни элементом, ни формой культуры. Но общим основанием всех разнообразных позиций будет допущение, что культура в определенном смысле есть то, что делает и, соответственно, думает общество, соответственно, язык есть то, как думает человек [4]. Обращает на себя внимание тот факт, что язык служит орудием культуры [6], а это в измененных социальных условиях сегодня означает не только его оборонительные свойства, но и предостерегает о возможности об агрессии со стороны других языков. В самом общем плане можно заключить, что современное человечество – это целостный языковой коллектив, и, так как различные естественные языки дают различные картины одного и того же события в силу семантических особенностей, так как межкультурные коммуникации предполагают знание особенностей этнических

культур, которые в этих языках закрепляются, то владение несколькими естественными наиболее распространенными языками становится необходимостью для эффективной адаптации в современном социальном поле. Складывается первый и основной аспект полиязычности – взаимопроникновение языков. Однако следует четко понимать, что языковые знаки способны заменять собой функции знаков культуры. В этом аспекте внедрение неологизмов, заимствованных из чужого языка, становится небезопасным, так как угрожает устойчивости традиционного мировосприятия. Например, в последнее время в русском языке наблюдается тенденция привлечения лексики английского языка, что, скорее, отражает конъюнктуру культурного рынка коммуникаций, чем действительную необходимость в развитии языка. Последствия этого процесса разноплановы. Во-первых, зачастую употребление этих слов свидетельствует не о расширении смыслового покорения мира, а, напротив, формирует устойчивый «идол» - субъект плохо понимает смысл употребляемого слова, что снижает эффективность информационных взаимодействий. Во-вторых, - агрессивное вращение в обывденный язык «чужих» слов способно кардинально поменять «картину» мира [5]. В частности, вытеснение русского словосочетания «повторный толчок» английским «aftershock» существенно меняет описание процесса землетрясения: в новом варианте акцент смещен на психологическую составляющую субъекта, тогда как традиционно доминантой является рациональная констатация факта.

Особенностью полиязыковой среды в настоящее время выступает то, что она выступает одновременно и основанием, и средством постижения смыслов поликультурных феноменов. Поликультурность как некий аналог междисциплинарного подхода в теоретическом знании пронизывает все социальные феномены: от начальных механизмов социализации до создания некоторой общей картины мира. В частности, даже традиционная этническая сказка современным ребенком воспринимается полиязычно. Дело даже не в технических устройствах как посредниках в передаче ее содержания, а в накладывании на привычное содержание слоганов культуры, стереотипов поведения, навязываемых формами и средствами передачи информации [3]. В результате, например, Баба-яга утрачивает свою значимость: до персонажа фильмов ужаса она не дотягивает, а в качестве зловредного существа не вос-

принимается. Встает вопрос: может ли человек, не усвоивший особенности традиционного фольклора считаться культурно адаптивным?

Американизация поликультурного пространства не сводится исключительно к экспансии модели рынка потребления, включающей в себя и наглядные средства (распространение американизмов в кинематографе и литературе). Общей тенденцией становится стремление отоварить все формы культуры через сведение их к формам товарной меновой стоимости. Все, что такой стоимостью не обладает, объявляется вне культуры. Такая позиция является состоянием настоящей духовной войны с традиционной культурой. В этом аспекте критерии культурной грамотности являются показателями идеологической безопасности и благополучия страны [2]. Некоторые исследователи считают уместным говорить даже о новой форме империализма – языковой [7]. Рисками полиязычного формирования грамотности выступают также мода на ненормативную лексику, подмена сегмента искусственных языков языком маргинальных слоев или субкультурной лексикой, создание симулякра идеала грамотности, где последняя подменяется мифическим образом некоторой особой предприимчивой природы человека. В самом полиязычном поле грамотности начинает нарастать конфликт между вербальными и невербальными формами культуры. Ситуация приобретает сегодня особую значимость, так как выходит за рамки личностной культуры и способна провоцировать кризисное состояние отдельных институтов культуры.

Таким образом, современное социальное развитие наглядно демонстрирует диалектическое единство носителей культуры и степени ее эффективности и самостоятельности. Отсюда проблема культурной грамотности в условиях полиязычия является одной из самых актуальных, так как показатель грамотности субъекта во многом служит критерием живучести культурной системы. Знание рисков полиязычной социализации позволяет минимизировать их негативные последствия.

Список литературы:

1. Ахметзянова М.П. К вопросу о культурной коммуникации: философский аспект/ М.П. Ахметзянова. Экономика и

политика 2014 №1(2) С.12-13.

2. Жилина В.А. Проблема определения идеологического субъекта/ В.А.Жилина. Вестник Челябинского государственного университета 2009.№29 С.44-50.

3. Прилукова Е.Г. Время симуляции ценностей /Е.Г. Прилукова Интеллект. Инновации. Инвестиции. 2015. №3 С.133-136.

4. Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии/ Э. Сепир. М.: Прогресс, 2002 656с.

5. Теплых М.С. Духовное развитие как самоосуществление человека/ М.С.Теплых. Актуальные психолого-педагогические исследования. Сб. материалов научных исследований. Под ред. Е.М Разумовой, Магнитогорск 2017. С.94-96.

6. Толстой Н.И. Избранные труды. т. II Славянская литературно-языковая ситуация/ Н.И.Толстой М.: Языки русской культуры 1998, 544с.

7. The Lib.ru Электронный ресурс. URL http://thelib.ru/books/evgeniy_alekseevich_sokolkov/problemy_polikultur_i_poliyazychiy_v_gumanitarnom_obrazovanii-read-5.html Дата обращения 16.02.2018.

Некрасов С.Н., Журавлева Л.А.

г. Екатеринбург, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н.Ельцина, УрГПУ

ДАУНШИФТИНГ КАК СОЦИАЛЬНАЯ ТРАГЕДИЯ В УСЛОВИЯХ ЦЕННОСТНОГО КРИЗИСА ПОСТИНДУСТРИАЛИЗМА

В западном обществе формируется ценностный кризис, основанный на противоречии «быть или иметь». Дауншифтинг в капиталистическом обществе можно интерпретировать как поведение дауна – умственно отсталого индивида. В социалистических революциях «четвертого сословия» как революциях движения вперед и вверх на первый план выходит борьба зрелых сознательных людей за права трудящегося и эксплуатируемого народа.